

УДК 1(091)

DOI: 10.21685/2072-3016-2017-2-9

В. П. Кошарный

ЕВРАЗИЙСТВО: В ПОИСКАХ СМЫСЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Социологическое наследие русских мыслителей конца XIX – начала XX в. – важная часть русской духовной истории. Тема великой русской революции неизменно находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. Столетие революционных событий – еще один повод для обращения к истории интеллектуальных дискуссий ее современников. Объект статьи – социология революции участников евразийского движения в русской послеоктябрьской эмиграции. Цель статьи – выявить особенности методологических подходов русских мыслителей к осмыслению событий, оказавших огромное влияние на историю нашей страны и всего человечества.

Материалы и методы. Для решения указанных задач привлечены труды Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Л. П. Карсавина, П. П. Сувчинского, Г. В. Флоровского, современных российских и зарубежных ученых. При анализе материала использовались методы гуманитарных наук, позволившие раскрыть содержание и оригинальность социологических взглядов на проблему революции.

Результаты. В статье раскрываются метафизические основания и теоретико-методологические подходы социологии революции евразийцев, осмысливается ее содержание, показывается неоднозначный характер учений о революции указанных русских мыслителей.

Выводы. Рассмотренный тематический срез истории отечественной социологической мысли позволяет вычлнить своеобразный взгляд на природу русской революции, получить многостороннюю картину переломного периода отечественной истории.

Ключевые слова: русская революция, русская культура, туранский элемент культуры, теория культурно-исторических типов, национально-метафизический смысл революции, феноменология революции, метафизика революции, континент-океан, идеократическое государство.

V. P. Kosharnyy

EURASIANISM: IN SEARCH OF THE MEANING OF RUSSIAN REVOLUTION

Abstract.

Background. The sociological heritage of Russian thinkers of late XIX – early XX centuries is an important element of the Russian spiritual history. The topic of the great Russian revolution has permanently been the center of attention of Russian

and foreign researchers. The century of revolutionary activities is one reason to address the history of intellectual discussions of the contemporaries. The research object is revolutionary sociology of the eurasianism movement's members with the Russian post-revolutionary emigration. The aim of the work is to reveal features of methodological approaches of Russian thinkers to understanding the events that significantly influenced the history of Russia and the whole humanity.

Materials and methods. To resolve the research objectives the author resorted to works by N. S. Trubetskoy, P. N. Savitsky, L. P. Karsavin, P. P. Suvchinsky, G. V. Florovsky, contemporary Russian and foreign scholars. The material was analyzed using such methods of humanities that allowed to disclose the contents and originality of sociological views on the problem of revolution.

Results. The article reveals metaphysical substantiations and theoretical-methodological approaches to revolutionary sociology of Eurasianists, reflects upon its composition, shows its diverse nature of the teaching about revolution by the mentioned Russian thinkers.

Conclusions. The topical profile of the history of the Russian sociological thought under consideration makes it possible to single out an original view on the nature of Russian revolution, to obtain a multilateral picture of the breaking period in the Russian history.

Key words: Russian revolution, Russian culture, Turan cultural element, theory of cultural and historical types, national metaphysical meaning of revolution, phenomenology of revolution, continent-ocean, ideocratic state.

Обращение к учению о революции участников евразийского в год столетия революционных событий в России представляется весьма актуальным. Евразицы (здесь речь идет о классических евразийцах) относили себя к так называемым пореволюционным течениям, возникшим на основе революции. Результаты революции дали основание части русской эмиграции для разработки своеобразной концепции исторического развития страны.

Характеризуя евразийское учение в целом, можно выделить три основные темы, вокруг которых вращалась мысль его создателей: обнаружившийся к началу XX в. кризис европейской культуры, положивший конец ее претензиям на абсолютность; *русская революция 1917 г.*, открывшая для России новые пути к самобытному развитию; *возможность двигаться этим путем*, учитывая все решающие факторы русской истории.

Исходным пунктом евразийского учения было признание исторической оправданности русской революции. В трагедии революции и гражданской войны они видели глубокий исторический смысл. Революция трактовалась как следствие кризисного состояния западной культуры, утверждавшейся в России со времен Петра I. Она интерпретировалась как разрушение прежней России и создание условий для появления новой России-Евразии.

В предисловии к сборнику «Исход к Востоку» говорилось, что результатом современного кризиса должно стать глубокое изменение мира. Причем смена западно-европейскому миру придет с Востока. «Мы совмещаем славянофильское ощущение мировой значимости русской национальной стихии с западническим чувством относительной культурной примитивности России в области экономической и со стремлением устранить эту примитивность» [1, с. VI]. В сборнике фактически содержался призыв возродить влияние на жизнь России элементов азиатской (туранской) культуры ввиду полной несо-

стоятельности европейского образца. Русское западничество исчерпало свои возможности, и это открыло дорогу для собственно русского пути [2, с. 162].

Выделение в качестве решающего элемента для культурного единства России-Евразии «туранского», азиатского, элемента отличало евразийство от славянофильства. Но самое главное, как отмечает С. Хоружий, было то, что евразийство, в отличие от славянофилов, стремилось «найти религиозное оправдание и утвердить творческий, плодотворный характер не русской истории вообще, но революционной России и социальной практики большевизма» [3, с. 83].

В своем учении евразийцы выступили с претензиями на новое истолкование причин революционных событий и природы русской революции. Их не устраивали реставрационные идеи, характерные для многих течений русского послеоктябрьского зарубежья. Будущее страны виделось евразийцам не в утверждении западных форм демократии и не реставрации монархии, включая ее конституционный вариант [4, с. 4–9].

Кризисное состояние России не может быть, по мнению П. Н. Савицкого, устранено путем лечения внешних признаков болезни. Важно выявить глубинные причины социальной катастрофы, осмыслить их как начало выхода страны из европейской культурной и государственной традиций, понять его с позиций теории культурно-исторических типов, вариант которой был предложен известным лингвистом Н. С. Трубецким, и определить дальнейшее направление исторического и культурного развития страны [5].

Такие идеи и были предложены Н. С. Трубецким в его работе «Европа и человечество» (1920), а также в ряде статей. История в ней представлялась в виде постоянной борьбы различных культур. Русская же история, судьбы русской культуры во многом определялись взаимодействием с культурой европейской, стержнем которой он считал культуру романо-германских народов. Понять культурно-исторический процесс, полагал Трубецкой, можно лишь решив общую теоретическую проблему – проблему соотношения национального и интернационального в культуре.

Обсуждая эту проблему, Н. С. Трубецкой пришел к заключению, что культурология должна решительно освободиться от оценочного подхода в сравнительном изучении культур. Позже, поясняя эту мысль, сложившуюся у него к 1910 г. под воздействием работы Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», Н. С. Трубецкой писал, что хотел «заставить понять, что... все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет» [6, с. 13]. Мыслитель утверждал, что для народов, подвергшихся воздействию европейской культуры, в силу открытой им принципиальной невозможности органического приобщения к чужой культуре без «антропологического поглощения», характерен разрыв между «отцами» и «детьми», обострение социально-классовой борьбы, препятствующие культурно-историческому развитию. Не случайно, отмечал он, европейская история развивается скачкообразно: скоротечные периоды прогресса сменяются длительными периодами застоя. Такое «скачущее» развитие еще больше растрчивает национальные силы [7, с. 69].

Усвоение чужой культуры народом, не участвовавшим в ее создании, мыслитель не считал абсолютным благом. Напротив, такой народ, по его мнению, обречен на постоянное отставание, так как вынужден усваивать и

воспроизводить различные этапы культурно-исторического развития чужой культуры с известным запаздыванием. Не спасет и социализм – дитя романо-германской культуры. Для России он опасен тем, что усилит ее зависимость от западноевропейского мира [7, с. 72]. Отталкиваясь от этих идей, евразийцы пришли к выводу о том, что революция, как событие мирового значения (не в социально-политическом, а в «национально-метафизическом» смысле), открыла дорогу на арену мировой истории новому, не игравшему до этого руководящей роли культурно-географическому миру – России-Евразии. Своеобразную оценку получил в свете этого вывода и большевизм как политическое и идейное течение. Признавая влияние на него Запада (марксизма), евразийцы все же полагали, что большевизм как практика существенно разошелся с первоначальным марксистским проектом. В итоге он оказался сугубо российским национальным явлением. Российским прежде всего потому, что для него, с точки зрения П. Савицкого, было характерно стремление не Россию перестроить по западноевропейскому образцу, а, наоборот, Европу перекроить по образцу российскому. В этом плане явление большевизма представлялось идеологам движения евразийцев проявлением значительного сдвига в культурно-историческом соотношении Европы и России. В данном случае Россия не повторяет, как это было раньше, того, что произошло в крупнейших центрах романо-германского мира. Она сама определяет судьбы мира. Положив начало фундаментальным изменениям в исторически-культурных соотношениях Европы и России, большевизм и связанный с ним социально-политический строй должен смениться другим. Но при этом тенденции в соотношении российского и романо-германского культурных миров, заложенные большевизмом, останутся неизменными. Таков общий взгляд на природу революции.

Более детальный анализ мы находим статье Л. П. Карсавина «Феноменология революции» (1927). Адекватно осмыслить революцию, полагал Л. П. Карсавин, не могут ни непосредственные участники революционных действий, ни пассивные наблюдатели. Первые не могут в силу вовлеченности в события, им, естественно, не до глубоких размышлений, а вторые не могут быть объективными в силу психологических причин. Задача анализа феномена революции может быть решена только людьми, находящимися на некотором отдалении (и временном, и пространственном) от событий.

В революции евразийцы выделяли внешнюю сторону, во всех революциях одинаковую, и реальную суть и задание, главную идею данной революции.

Л. П. Карсавин последовательно рассмотрел основные фазы революционного процесса. Всего их пять. Революция – не мгновенный акт, она начинается с разложения и гибели старого правящего слоя, ослабления института государства под идейным напором и подрывными действиями лишенной государственного начала интеллигенции. Затем гибнет государство и воцаряется анархия, и одновременно едва различимо появляются ростки нового правящего слоя [8, с. 42–50].

Третья фаза начинается новой формой государственности. Ее олицетворяют революционеры, захватившие власть и грубой силой пытающиеся реализовать свои представления о должном государственном устройстве. Но революционный правящий слой является переходной, временной формой власти. В конце данного этапа развития революции постепенно ослабевает и

в конце концов исчезает революционная идеология, а вместе с ней и силы, выполнившие свою социальную функцию по свержению прежней власти.

В четвертой фазе власть уже свободна от всякой идеологии, партии ослабевают, властная элита пассивна, по максимуму извлекает выгоду из своего положения, народ индифферентен к политике [8, с. 61].

Морфологический анализ революционного процесса завершается описанием заключительной фазы революции, где появляется новый правящий слой («народ находит»), общество окончательно расстается с идеологией революционного времени. Здесь востребуются идеи, томящиеся в глубине народной души, они не созданы революцией, но революция создала условия для их проявления. Что это за идеи? Л. П. Карсавин говорит об идеях, на базе которых возникает новая национальная идеология, утверждающая связь с историческим прошлым и переход России на путь, с которого русский народ когда-то сошел [8, с. 64].

Евразийская трактовка революции базировалась на карсавинском варианте метафизики всеединства и развитой на ее основе метафизике триединства и учении о симфонической личности. Задача исследователя, по Л. П. Карсавину, состоит в изучении симфонических личностей, выявлении их «качествований», в которых они актуализируют себя. В симфонической личности (общество – это также симфоническая личность более высокого порядка) проявляются особенности и тенденции эпохи, культуры, национального развития. Социальная революция есть разрушение и смерть симфонической личности, но это и появление ее нового «качествования», новой «индивидуации» [8, с. 68].

От рассмотрения проблемы революции в рамках философии российской истории Л. П. Карсавин переходит к философии всемирной истории. В соответствии с учением о симфонической личности он утверждает, что русская революция есть форма проявления революции вообще, и на ее примере можно говорить о всеобщей структуре революции, при этом рассуждения французского консерватора Жозефа де Местра применимы к анализу русской революции [9].

Анализируя различные аспекты революции как таковой, евразийцы обращали внимание прежде всего на ее национально-метафизическое содержание, на котором можно построить собственный культурный мир и национальное государство как выражение особенностей России-Евразии [5, с. 109].

Необычной для эмигрантских кругов была оценка участниками евразийского движения роли событий октября 1917 г. Общим положительным итогом деятельности большевиков, по их мнению, стало сохранение и укрепление российской государственности, что, по их замыслу, должно было способствовать решению задач построения евразийского государства. «Революция, – писал П. П. Сувчинский, – раскрыла всю ненависть и невозможность приспособления русских народных масс к целому ряду фактов и явлений до-революционной культуры, и воспринял народ так легко и стихийно лозунг классовой борьбы именно потому, что почувствовал в нем не один только случай посчитаться с имущественно наделенными, но и возможность избавиться от господства над собой чужеродной культуры» [10, с. 31].

Большевикам в евразийской концепции революции отводилась роль переходного правящего слоя, который должен покинуть историческую арену,

выполнив свои функции свержения старой власти и консолидации государства и общества. Причем преодолеть большевизм можно и нужно не насильственным путем, а через устранение его идейных основ.

Осмысливая проблемы революции в России, евразийцы не могли не высказать своего отношения к теории марксизма и особенностям ее претворения в жизнь на русской почве. Сразу же необходимо подчеркнуть, что евразийцы оказались в числе первых представителей немарксистского сообщества, поставивших вопрос о разделении понятий «марксизм» и «коммунизм». Если первое связывалось с наследием Маркса и Энгельса, то второе означало для них локальный, национально-русский вариант марксистского учения. Под коммунизмом в теоретическом плане имелся в виду ленинизм, хотя последнее понятие употреблялось сравнительно редко. Предпочтение отдавалось термину «большевизм».

Идейные установки евразийства коренным образом расходились с основными принципами марксизма, несмотря на отдельные сходства чисто внешнего характера. Говоря о своих симпатиях к рабочему классу, они в то же время отвергали идею пролетарского интернационализма, видя решение рабочего вопроса лишь на национальной почве. Идею пролетарского интернационализма противопоставлялся принцип интернационального сотрудничества национальных государств, решающих социальные вопросы за счет внутренних ресурсов.

В качестве духовной основы социальных преобразований для евразийцев выступала православно-христианская религия, исключая, на их взгляд, все виды эксплуатации, поскольку это противоречит идее человека как образа и подобия бога [11, с. 24]. Выступая, как и марксисты, за отмену частной собственности, евразийцы собирались сделать это менее радикально, сохранив ее в отдельных сферах народного хозяйства. Наличие государственного регулирования отношений собственности, по мнению евразийцев, должно было обеспечить равные возможности для всех социальных групп.

Остро критически евразийцы оценивали марксистскую концепцию исторического процесса, учение о классах и классовой борьбе, отводя последней роль вторичного фактора исторической жизни. Неприемлемыми оказались для них, естественно, и основополагающие категории материалистического понимания истории: «базис» и «надстройка». С точки зрения характерного для евразийской методологии культурологического подхода к анализу общественной жизни исторический процесс может быть понят лишь путем изучения особенностей взаимодействия трех основных сфер культуры: географическо-хозяйственной, государственно-правовой и духовной. И хотя в евразийской концепции многие усматривали преобладание географического фактора, сами они в ответ на раздававшуюся критику подчеркивали нераздельность и тесную взаимосвязь «идей» и «материала», считая идеальное и реальное диалектическими моментами целостного бытия. При этом «духовная сторона евразийской культуры, – отмечал Н. Н. Алексеев, – всегда динамична» [12, с. 20].

Критический настрой евразийцев по отношению к марксистской теории вполне понятен. Слишком разными были мировоззренческие позиции, социально-экономические, политические и духовные ориентиры. Развитое Марксом и Энгельсом учение о неизбежности перехода от капитализма к социа-

лизму, включавшее Россию в целом в общемировые закономерности общественного развития, не согласовывалось с евразийской концепцией множественности культуры, «многорядности» исторического развития. Не разделялся евразийцами и пафос социального максимализма, стремление к созданию абсолютно совершенного общества, который, как им казалось, был характерен для сторонников марксизма. В эмпирической истории, по мнению Н. Н. Алексеева, невозможно достичь абсолютно совершенного состояния, это сфера бесконечного совершенства [13, с. 15].

Осуждая марксистов за попытку смотреть на историю с точки зрения коммунизма как конечной цели мирового развития, евразийцы как бы не замечали, что их собственным представлениям об историческом процессе как движении к политическо-культурному единству России-Евразии можно предъявить подобные же обвинения. Однако при всех недостатках, которые евразийцы приписывали марксизму, он, по их мнению, все же сыграл определенную просветительскую роль и сохранит ее до тех пор, пока продолжается деструктивный период революции. Историческая задача марксизма как «дореволюционной идеологии», стало быть, состоит в том, чтобы разрушить все старые и чуждые России общественные формы, ввести ее в новый конструктивный период истории. Но эту задачу решал в России не классический марксизм, а его восточная версия.

Трансформации, которым подвергся марксизм в России, определялись специфическими условиями: преобладанием в стране аграрного сектора в экономике, слабым развитием капитализма. Ленинизм для евразийцев – результат разочарования русских большевиков в марксистском детерминизме, отказа Ленина и его единомышленников от трактовки социализма как следствия внутреннего развития капиталистического общества и стремления обосновать самобытный, русский путь к социализму [14, с. 71]. С момента раскола на II съезде РСДРП российских социал-демократов, начался, по мнению Н. Н. Алексеева, отход от классического марксизма к его русской национальной интерпретации [14, с. 66]. Этот вывод особенно интересен в свете определенного пересмотра в последние годы в отечественной науке истории «ленинского этапа в развитии марксизма», начало которого следует вести, по мнению некоторых исследователей, не с 1893 г., а где-то с 1902–1905 гг., когда Ленин сформулировал свои организационно-тактические идеи, смыкая при этом традиции немецкой социал-демократии с традициями Чернышевского, отчасти народолюбцев, Ткачева, и когда он выдвинул идеи гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции [15, с. 15, 16].

Евразийцы были правы, когда отмечали, что в России условия для начала коренных социальных преобразований существенно отличались от Западной Европы, что в практике большевизма политика во все возрастающей мере определяла экономику и т.д. Однако эти констатации служили евразийцам для доказательства того, что русский коммунизм – явление не интернациональное, а узконациональное. Впрочем, и национальным он для евразийцев был недостаточно, как и недостаточно русским из-за сохранившегося сильного европейского влияния [13, с. 3].

Анализ евразийского проекта будущего общества лежит вне рамок данной работы. Тема эта ждет своего обстоятельного исследования с учетом

интереса, проявляемого к евразийству в наше время. Укажем лишь на некоторые элементы этого проекта.

Это понимание России-Евразии как своеобразного «континент-океана», самостоятельной хозяйственной единицы, ориентирующейся в силу трудностей участия в океаническом обмене прежде всего на внутреннее разделение труда [16, 17]. Это концепция идеократического государства, базирующегося на евразийской идеологии и привлекающего широкие массы к участию в общественных делах [18, 19]. Это идея государственно-частной системы хозяйства, в основе которой лежит функциональное понимание собственности. Это учение о «правлящем отборе», призванном обеспечить управление страной в интересах всего народа и т.д. [20, с. 28; 21, с. 143]. Евразийское учение вызвало многочисленные отклики, притом не только представителей русского зарубежья, но и европейской общественности. Только в «Современных записках» было опубликовано свыше десятка статей и рецензий на евразийские публикации. Положительную оценку многих вызывал общий пафос учения. Но много было и критики. Н. Бердяев указывал на опасность для человеческой личности этатического утопизма евразийцев. «Человеческая личность, – писал он, – также будет принуждаться к симфоническому мышлению путем муштровки. Отсюда пафос ортодоксии в мышлении, он всегда обусловлен тем, что творцом почитается коллектив, а не личность» [22, с. 143]. Не остались незамеченными и глубинные противоречия евразийской концепции. Г. В. Флоровский, порвавший с евразийством, подчеркивал, что в учении евразийцев «противоречиво переплетаются и спаиваются мотивы органической теории и самого острого просвещенского рационализма» [23, с. 327], а Н. Бердяев отмечал, что своей верой в государственное начало, евразийцы фактически порывают с традициями русской национально-религиозной мысли и, в сущности, «вступают на путь европеизма и американизма в России» [23, с. 143], что их понимание религии прежде всего как силы социально-организующей, а не духовной очень напоминает католичество. В. В. Зеньковский, положительно оценивая стремление евразийства к созданию православной культуры, указывал на крайне узкое ее понимание, ограничивающееся лишь воссозданием православного быта [24, с. 166].

Теоретические противоречия и тупики, в которые зашло евразийское учение к концу 1920-х гг., отход от философско-культурологической проблематики в сторону идеологически-организационных проблем породили глубокий внутренний кризис евразийства, следствием которого был раскол евразийского движения на правоконсервативное и левоориентированное крылья. Непосредственным поводом послужил спор вокруг позиции еженедельной газеты «Евразия».

В газете № 7 от 5 января 1929 г. было опубликовано письмо Н. С. Трубецкого в редакцию, датированное 31 декабря 1928 г., который заявил, что позиция газеты не имеет ничего общего с православно-церковным евразийством, упрекал редакцию в благосклонном отношении к учениям Маркса и Н. Ф. Федорова и объявил о невозможности для него в сложившихся обстоятельствах оставаться в рядах движения. Газета ответила на письмо редакционной статьей «Путь евразийства», где, среди прочего, разъяснялась и роль идей Федорова и марксизма в формировании евразийского учения.

В начале 1929 г. в Париже вышла в свет брошюра Н. Н. Алексеева, В. Н. Ильина и Л. П. Карсавина «О газете “Евразия”», в которой позиция ре-

дакции подвергалась резкой критике. Разгорелась дискуссия, в которой левое крыло обвинялось в симпатиях к советскому строю, марксизму. Критике подвергались призывы некоторых участников движения воздерживаться от действий, способных нанести ущерб Советскому Союзу, и делать все для предотвращения таких действий со стороны русской эмиграции. Разногласия политического характера все более усиливались. Вслед за Н. С. Трубецким и Г. В. Флоровским, отошедшим от движения еще раньше, евразийские ряды покидает В. Н. Ильин. Постепенно сходит на нет и публицистическая деятельность, к середине 1930-х гг. она практически прекращается. Этому способствовало укрепление экономических и политических позиций СССР, подорвавшее надежды евразийцев на преодоление коммунизма. В послевоенные годы евразийские идеи были почти полностью забыты. И только в последние годы отдельные мысли евразийцев в той или иной форме начинают обсуждаться на страницах периодических изданий в нашей стране. И в этом, по-видимому, есть глубокий смысл. Поиски своего собственного пути социально-экономического, политического и культурного развития страны имели объективные основы, они были рождены самой жизнью и России еще не раз придется возвращаться к этому вопросу.

Библиографический список

1. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев. Статьи Петра Савицкого, П. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого и Георгия Флоровского. – София : Тип. Балкан, 1921. – 125 с.
2. **Alexeiew, N.** Das russische Westlertum / N. Alexeiew // Der russische Gedanke. – 1929–1930. – № 1. – S. 149–162.
3. **Хоружий, С. С.** Карсавин и де Местр / С. С. Хоружий // Вопросы философии. – М., 1989. – № 3. – С. 79–92.
4. **Алексеев, Н. Н.** На путях к будущей России (Советский строй и его политические возможности) / Н. Н. Алексеев. – Париж : Евразийское книгоиздательство, 1927. – 75 с.
5. **Сувчинский, П. П.** Вечный устой / П. П. Сувчинский // На путях. Утверждение евразийцев. – М. ; Берлин : Геликон, 1922. – Кн. 2. – С. 99–133.
6. N. S. Trubetzkoj's letters and notes / prep. for publ. by R. Jakobson with the assistance of H. Baran, O. Ronen, and Martha Taylor. The Hague. – Paris : Mouton, 1975. – 506 p.
7. **Трубецкой, Н. С.** Европа и человечество / Н. С. Трубецкой. – София : Российско-Болгарское книгоиздательство, 1920. – 82 с.
8. **Карсавин, Л. П.** Феноменология революции / Л. П. Карсавин // Евразийский временник. – Париж : Евразийское книгоиздательство, 1927. – Кн. пятая. – С. 28–74.
9. **Карсавин, Л. П.** Жозеф де Местр / Л. П. Карсавин // Вопросы философии. – 1989. – № 3. – С. 93–118.
10. **Сувчинский, П. П.** Идеи и методы / П. П. Сувчинский // Евразийский временник. – Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1924. – Кн. четвертая. – С. 24–65.
11. Евразийство и коммунизм. – [Б. м. и г.]. – 31 с.
12. **Алексеев, Н.** Духовные предпосылки евразийской культуры / Н. Алексеев // Евразийская хроника. – Берлин, 1935. – Вып. XI. – С. 18–29.
13. **Алексеев, Н. Н.** Евразийство и марксизм / Н. Н. Алексеев // Евразийский сборник. – Прага : Евразийское книгоиздательство, 1929. – Кн. VI. – С. 7–16.
14. **Алексеев, Н. Н.** Пути и судьбы марксизма. От Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину / Н. Н. Алексеев. – Берлин, 1936. – 102 с.

15. **Пантин, И.** У истоков российской революционности / И. Пантин, Е. Плимак // Коммунист. – 1990. – № 10. – С. 10–25.
16. **Савицкий, П. Н.** Россия – особый географический мир / П. Н. Савицкий. – Прага : Евразийское книгоиздательство, 1927. – 68 с.
17. **Савицкий, П. Н.** Месторазвитие русской промышленности / П. Н. Савицкий. – Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1932. – 161 с.
18. **Трубецкой, Н. С.** Об идее-правительнице идеократического государства / Н. С. Трубецкой // Евразийская хроника. – Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1935. – Вып. II.
19. Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. – Париж : Издание евразийцев, 1932. – 29 с.
20. **Малевский-Малевич, П. Н.** Коалиция и отбор / П. Н. Малевский-Малевич // Евразийская хроника. – Прага, 1926. – Вып. III. – С. 27–30.
21. **Ш-в, А.** О правящем отборе / А. Ш-в // Евразийский сборник. – Прага : Евразийское книгоиздательство, 1929. – Кн. VI. – С. 41, 42.
22. **Бердяев, Н.** Утопический этатизм евразийцев / Н. Бердяев // Путь. Орган русской религиозной мысли / под ред. Н. А. Бердяева. – Париж, 1927. – № 8. – С. 21–57.
23. **Флоровский, Г. В.** Евразийский соблазн / Г. В. Флоровский // Современные записки. – Париж, 1928. – Кн. XXXIV. – С. 312–343.
24. **Зеньковский, В. В.** Русские мыслители и Европа / В. В. Зеньковский. – Париж : YMCA-press, 1926. – 291 с.

References

1. *Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzheniya evraziytsev. Stat'i Petra Savitskogo, P. Suvchinskogo, kn. N. S. Trubetskogo i Georgiya Florovskogo* [Exodus to the East. Premonitions and occurrences. Statements of Eurasianists. Articles by Petr Savitsky, P. Suvchinsky, books by N. S. Trubetskoy and Georgy Florovsky]. Sofiya: Tip. Balkan, 1921, 125 p.
2. Alexeiev N. *Der russische Gedanke* [The Russian thought]. 1929–1930, no. 1, pp. 149–162.
3. Khoruzhiy S. S. *Voprosy filosofii* [Philosophical problems]. Moscow, 1989, no. 3, pp. 79–92.
4. Alekseev N. N. *Na putyakh k budushchey Rossii (Sovetskiy stroy i ego politicheskie vozmozhnosti)* [On the way to Russia's future (The Soviet system and its political capacities)]. Parizh: Evraziyskoe knigoizdatel'stvo, 1927, 75 p.
5. Suvchinskiy P. P. *Na putyakh. Utverzheniya evraziytsev* [On the way. Statements of Eurasianists]. Moscow; Berlin: Gelikon, 1922, bk. 2, pp. 99–133.
6. *N. S. Trubetskoy's letters and notes*. Prep. for publ. by R. Jakobson with the assistance of H. Baran, O. Ronen, and Martha Taylor. The Hague. Paris: Mouton, 1975, 506 p.
7. Trubetskoy N. S. *Evropa i chelovechestvo* [Europe and mankind]. Sofiya: Rossiysko-Bolgarskoe knigoizdatel'stvo, 1920, 82 p.
8. Karsavin L. P. *Evraziyskiy vremennik* [Eurasianist periodical]. Parizh: Evraziyskoe knigoizdatel'stvo, 1927, bk. V, pp. 28–74.
9. Karsavin L. P. *Voprosy filosofii* [Philosophical problems]. 1989, no. 3, pp. 93–118.
10. Suvchinskiy P. P. *Evraziyskiy vremennik* [Eurasianist periodical]. Berlin: Evraziyskoe knigoizdatel'stvo, 1924, bk. IV, pp. 24–65.
11. *Evraziystvo i kommunizm* [Eurasianism and communism]. 31 p.
12. Alekseev N. *Evraziyskaya khronika* [Eurasianist chronicle]. Berlin, 1935, iss. XI, pp. 18–29.
13. Alekseev N. N. *Evraziyskiy sbornik* [Eurasianist collection]. Praga: Evraziyskoe knigoizdatel'stvo, 1929, bk. VI, pp. 7–16.
14. Alekseev N. N. *Puti i sud'by marksizma. Ot Marksa i Engel'sa k Leninu i Stalinu* [Paths and fates of Marxism. From Marx and Engels to Lenin and Stalin]. Berlin, 1936, 102 p.

15. Pantin I., Plimak E. *Kommunist* [Communist]. 1990, no. 10, pp. 10–25.
16. Savitskiy P. N. *Rossiya – osobyy geograficheskiy mir* [Russia – a special geographical world]. Praga: Evraziyskoe knigoizdatel'stvo, 1927, 68 p.
17. Savitskiy P. N. *Mestorazvitie russkoy promyshlennosti* [The development site of Russian industry]. Berlin: Evraziyskoe knigoizdatel'stvo, 1932, 161 p.
18. Trubetskoy N. S. *Evrasiyskaya khronika* [Eurasianist chronicle]. Berlin: Evraziyskoe knigoizdatel'stvo, 1935, iss. II.
19. *Evrasiystvo. Deklaratsiya, formulirovka, tezisy* [Eurasianism. Declaration, formulation, theses]. Parizh: Izdanie evraziytsev, 1932, 29 p.
20. Malevskiy-Malevich P. N. *Evrasiyskaya khronika* [Eurasianist chronicle]. Praga, 1926, iss. III, pp. 27–30.
21. Sh-v A. *Evrasiyskiy sbornik* [Eurasianist collection]. Praga: Evraziyskoe knigoizdatel'stvo, 1929, bk. VI, pp. 41, 42.
22. Berdyaev N. *Put'. Organ russkoy religioznoy mysli* [The way. A body of Russian religious thought]. Parizh, 1927, no. 8, pp. 21–57.
23. Florovskiy G. V. *Sovremennye zapiski* [Contemporary notes]. Parizh, 1928, bk. XXXIV, pp. 312–343.
24. Zen'kovskiy V. V. *Russkie mysliteli i Evropa* [Russian thinkers and Europe]. Parizh: YMCA-press, 1926, 291 p.

Кошарный Валерий Павлович

доктор философских наук, профессор,
кафедра философии и социальных
коммуникаций, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: dep-ph@pnzgu.ru

Kosharnyy Valeriy Pavlovich

Doctor of philosophy, professor,
sub-department of philosophy and social
communications, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 1(091)

Кошарный, В. П.

Евразийство: в поисках смысла русской революции / В. П. Кошарный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 81–91. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-2-9